

«ЧТО ДЕЛАТЬ?»

Медиагерилья в академическом дискурсе: интифада, насилие, терроризм

Инга Иштван

Памяти Анны Альчук

В 2007 году южноафриканское рекламное агентство *Jupiter Drawing Room* разработало имиджевую кампанию «Вопросы» для корпорации *SASOL*, мирового лидера по переработке угля на рынке химической промышленности. Главную роль в минутном споте, вышедшем в сентябре на экраны ЮАР и некоторых азиатских стран, сыграла кукла-марионетка Джесси, воплощающая стремление задавать вопросы, которые, как отмечается на сайте компании¹, призваны сделать мир лучше – «Мы спрашиваем “что если?” потому, что в нашем понимании не ответы меняют мир, а вопросы». Этот лозунг, перефразируя высказывание Эйнштейна, становится созвучным еще одному небезызвестному современному лозунгу об изменении мира – изменении, призванном затронуть сегодня не столько структуру репрессивных государственных аппаратов, сколько само содержание этого понятия. Рассматривая медийные средства в качестве аппаратов легитимного применения насилия, мы – тем самым – предполагаем у них наличие свойства конструировать пространство, в котором вопросы о войне, терроризме и насилиии обладают способностью постоянно воспроизводить его воображаемые основания, а пассионарная привязанность к подобному медиаподчинению обуславливает и необходимость постановки вопроса о том, что же представляют собой условия этого воспроизводства. Более того – о том, какую роль играет репрезентация насилия, равно как и попытка даже не относящих себя к феминизму представительниц современного академического сообщества «сделать насилие видимым» в процессе его легитимации.

Этой теме посвящены два специальных выпуска одного из самых известных в мире феминистского журнала «Знаки» под общим названием «Война и террор»,² к материалам которых мы и будем обращаться в данной статье. Говоря о дефеминизации герильи и практиках исключения женщин в политике постапартеида на примере романа южноафриканской писательницы Зое Викома «История Дэвида», одна из авторов этого знакового для современной феминистской теории исследования, Мэг Сэмюэльсон, также начинает с вопросов, ряд которых может быть и продолжен: какие перефигурации претерпевает тело в зоне войны; какие значения приписываются ему и, более того, надписываются на нем, обозначая его как жертву – «слепое пятно» репрезентации, нерепрезентируемость видимого, означающую одновременно и дисфигурацию самого наблюдателя; чем являются в зоне войны любовь и насилие, и почему артгерилья, равно как и герилья в пространстве медиа, неизбежно обращается против тех, защиту интересов которых она провозглашает?³ Ведь говорить о насилии в том или ином контексте – это всегда некая «политика умиротворения», попытка «сделать насилие демократичным». Мы же будем говорить о возможности «подвешивания», действенного прекращения подобной посвященной феноменам войны речи, которая по определению призвана изменить пространство, в котором она произносится. И эта политика не может остаться непроясненной.

Исследование «Война и террор» журнала «Знаки» в полной мере иллюстрирует тот факт, что репрезентация женщин как жертв медиавойны как «неправильно репрезентируемых» западными (и не только) медиа становится все той же пролонгацией конвенционалистских отношений между гендерной теорией и дискурсами неолиберальной демократии. Рассматривая феномен того, как идеологии редоместикации и конструирование дискурса сексуального насилия очерчивают практики дисфигурации женского тела в зоне военных действий, Мэг Сэмюэльсон, например, говорит о том, что в зоне войны женские тела одновременно перенасыщены значением и лишены его⁴. Жертвы, будучи принципиально нерепрезентируемыми, превращаются в риторические фигуры – в производство возвышенных «жертвенных тел» неустранимого остатка войны, становясь, таким образом, необходимым условием ее продолжения. Изобретенная Соединенными Штатами новая разновидность войны – «против терроризма, за демократию и права человека», по словам Элен М. Кинселла⁵, обладает способностью бесконечно длиться именно в силу того, что враг – каждый террорист, который должен быть уничтожен. Данная «разновидность» войны постоянно воспроизводится системой медиа, оправдывающих уже не столько монополию государства на легитимное применение насилия, по мнению Лиз Филипозе⁶, сколько повсеместное присутствие этого гегемонного дискурса. Именно поэтому попытка «сделать насилие видимым» – это зачастую не столько попытка репрезентировать жертв, говорить от имени «исключенных», сколько практика сопротивления и переозначивания господствующего дискурса,

то есть герилья в пространстве медиа как репрезентация события, постоянное воспроизводство его воображаемых оснований. Это, в свою очередь, не отменяет вопроса о том, не влечет ли подобное переозначивание реактивацию того или иного победоносного дискурса? Когда палестинцы уничтожают граффити британского «арттеррориста» Бэнкси, нарисованное на стене, разделяющей Палестину и Израиль, не означает ли это, что практикуемая им «артгерилья» может восприниматься как манифест «анти-капитализма», «анти-империализма», «анти-неолиберализма» исключительно в специально сконструированном для этого пространстве? Воображаемая география реальных событий, возникающая из смещения свойств реального пространства и его репрезентаций, концептуализированная в понятии «реальное-и-воображаемое» Эдварда Соджи, по мнению Цихан Ахметбезаде⁷, предполагает постоянное воспроизводство подчинения конституирующих его субъектов. Говоря о том, что экономическая программа неолиберализма нуждается в войне, Залика Салим отмечает, что пространство войны может успешно использоваться различными социальными группами в борьбе за утверждение своих прав⁸. Так, после серии терактов, совершенных террористами-смертниками в мае 2003 года в Касабланке, в Марокко был принят антитеррористический закон, ставший марроканской версией «Патриотического акта», в результате чего в 2004 году Марокко стало первой африканской страной, с которой США заключили Свободное Торговое Соглашение (*FTA*), а в конце этого же года в рамках предложенной США инициативы «Большой Ближний Восток и Северная Африка» в стране состоялся «Форум Будущего», направленный на демократизацию и новые экономические преобразования в регионе. Все это, конечно, изменило положение женщин, использовавших феномен войны против терроризма для создания собственного пространства и институционализации правозащитных организаций, в то же время спровоцировав и новые теракты.

Как пишет Сэмюэльсон, женщинам из вооруженных отрядов Африканского национального конгресса зачастую приходилось сражаться не столько с внешним врагом, сколько с патриархатными установками своих же товарищей по оружию. Исследовательницы Мириам Денов и Кристин Жерве в статье, посвященной гражданской войне в Сьерра-Леоне, рассматривают различные способы, при помощи которых девушки из повстанческой армии Революционного объединенного фронта – «тихие и невидимые жертвы»⁹ – стремились минимизировать насилие, используя различные практики сопротивления, больше похожие на акты самозащиты. При этом, по мнению исследовательниц, служить в небольших подразделениях, не вовлеченных в глобальные конфликты, использующих преимущественно тактику партизанской войны, или же пользоваться покровительством вышестоящего офицера – все это скорее своеобразные попытки стать еще более невидимыми, чем прежде. Ведь «быть увиденной» в зоне войны зачастую и означает «подвергнуться насилию» – равно как и «быть репрезентированной/ым» означает «быть жертвой». И в то же время для женщины в зоне войны

понятие «саморепрезентации» – это не столько попытка производить некоторые действия, оставаясь невидимой (ноубодическая герилья Бэнкси на берегу реки Иордан выглядит скорее репрезентацией дискурса гегемонии), сколько попытка утвердить свое право на репрезентацию по ту сторону самой репрезентации, в протейческих трансфигурациях форм и тел, отмеченных законами веры, равно как и законами войны. В этой связи Мэг Сэмюэльсон и говорит о «репрезентационном минном поле» – «танцую» на нем, можно не сомневаться, что тебя заметят: ведь этот танец можно рассматривать в качестве акта сопротивления только при условии его включенности в медийное пространство.

В статье, посвященной политическому насилию и его «телесным метафорам» в биографических историях активисток радикальной баскской организации *ETA* (Родина и Свобода), Кэрри Гамильтон пишет о том, что интерес к теме насилия и телесности в последних феминистских исследованиях подводит нас к необходимости переозначивания понятия «насильственных тел» как исключительно маскулинных. Кроме того, интервью, взятые у бывших участниц *ETA*, показали, что насилие зачастую ассоциировалось у них не с «ранами», но с «излечением» – насилие воспринималось как некая преобразующая телесность, «витальная сила»¹⁰. Дорит Нааман, анализируя перформативный аспект терроризма на примере палестинских женщин-камикадзе (Вафа Идрис, Айат Акрас, Дарин Абу Айшен, Ханади Джарадат, Рим Эль-Риаши), стремится показать сконструированность лейбла «терроризм» западными медиа, говоря о том, что «женщина» в этой системе представляет собой лейбл, репрезентирующий, скорее, идеологизированные ожидания, чем отображающий реальные женские действия и реальное положение женщин¹¹. Определяя терроризм как насилие, направленное на мирных жителей ради достижения политических целей, Нааман рассматривает феномен насилия как коммуникативный процесс – информационное сообщение, нацеленное на тех, кто не является непосредственной жертвой самого насилия¹². Терроризм как медиасобытие становится, таким образом, не только формой коммуникации, но и формой перформанса – репрезентируя насилие, система медиа превращает событие в спектакль. 13 апреля 2007 года на палестинском телеканале «Аль-Акса», управляемом движением Хамас, вышел в эфир первый выпуск детской передачи «Пионеры завтрашнего дня», главным героем которой стал небезызвестный мышонок Фарфур – визуальный двойник Микки Мауса, – рассказавший с телеэкранов о необходимости вооруженной борьбы с Израилем, освобождении Палестины и мировом господстве ислама. После того как израильская организация «Центр исследований палестинских СМИ» (*Palestinian Media Watch*)¹³ привлекла внимание мировой общественности к содержанию передачи, независимый министр информации Палестинской автономии Мустафа Баргути выступил с требованием прекратить ее трансляцию. В результате в июне Фарфур – по сюжету – погиб: от руки израильского чиновника, который требовал продать ему права на палестинскую землю. На смену

ему пришла его кузина-пчела Нахуль, заявившая о своем желании следовать по пути мученичества, который указал ей Фарфур. Таким образом, система медиа создает своеобразную «топологию ирреального», где имена вещей, ставших объектами желания, уже не отсылают к именам реально существующих предметов, но к именам, само существование которых функционирует как прерывающее гегемонный дискурс вторжение. Сегодня Запад мало что может противопоставить этим реально существующим именам, противящимся насильственному истолкованию. Более того, сами практики истолкования порождают и поддерживают дискурс, против которого они направлены. У Вафы Идрис, первой палестинской женщины-террористки, взорвавшей себя в Иерусалиме, может быть много имен. Как считает Дорит Нааман, кем бы мы ее ни назвали – террористкой, борцом за свободу, мученицей или жертвой, ангелом милосердия или ангелом смерти, – ее образ будет существовать на переплетении различных, зачастую соперничающих между собой нарративов: вне зависимости от самого ее действия и ее способа саморепрезентации¹⁴. Она обозначает собой ту предельную дисфигурацию тела, которая устанавливает для репрезентации предел. В песне «Моя сестра Вафа», исполненной в июне 2003 года во время концерта в Египте и показанной по палестинскому телевидению¹⁵, Вафа Идрис сравнивается с цветком, который рос на земле и поднялся на небеса. «Я арабка, так же, как и ты, – поет певица, – наши раны объединяют нас, но ты выбрала путь Шахады и в смерти возродила нашу волю к жизни. Мы говорим “Нет!” подавлению и тирании, мы говорим “Долгой жизни Интифаде!”». Непрерывающаяся интифада становится зеркальным отражением бесконечно длящейся войны с той лишь разницей, что каждое ее поражение, каждая смерть в рядах ее сторонников оборачивается ее победой – так палестинская партия Хамас в 2006 году получила большинство голосов на выборах в парламент после того как ее идейные лидеры погибли во время израильских авиаударов. Репрезентация насилия системой медиа обладает способностью производить тела, которые, будучи раз и навсегда исключенными из реальности, настолько перенасыщены значениями, что становятся неуязвимыми.

И в этой связи возникает необходимость поставить вопрос о том, какую роль играет в этом процессе академический дискурс – более того, о том, может ли он стать условием прерывания подобного производства?

---

1 См.: http://www.sasol.com/sasol_internet/frontend/navigation.jsp?navid=5900003&rootid=2.

2 См.: *Signs*, vol. 32, no. 4 (Summer 2007) – *War and Terror I: Raced-Gendered Logics and Effects beyond Conflict Zones*; *Signs*, vol. 33, no. 1 (Autumn 2007) – *War and Terror II: Raced-Gendered Logics and Effects beyond Conflict Zones*.

- 3 Samuelson, M. «The Disfigured Body of the Female Guerrilla: (De) Militarization, Sexual Violence, and Redomestication in Zoe Wicomb's *David's Story*», *Signs*, vol. 32, no. 4 (Summer 2007), p. 843.
- 4 *Ibid.*, p. 833.
- 5 Kinsella, H.M. «Understanding a War Is Not a War: A Review Essay», *Signs*, vol. 33, no. 1 (Autumn 2007), p. 210.
- 6 Philipose, L. «The Politics of Pain and Uses of Torture», *Signs*, vol. 32, no. 4 (Summer 2007), p. 1053.
- 7 Ahmetbeyzade, C. «Negotiating Silences in the So-Called Low-Intensity War: The Making of the Kurdish Diaspora in Istanbul», *Signs*, vol. 33, no. 1 (Autumn 2007), p. 161.
- 8 Salime, Z. «The War on Terrorism», *Signs*, vol. 33, no. 1 (Autumn 2007), p. 5.
- 9 Denov M., Gervais Ch. «Negotiating (In)Security: Agency, Resistance and Resourcefulness among Girls Formerly Associated with Sierra Leone's Revolutionary United Front», *Signs*, vol. 32, no. 4 (Summer 2007), p. 885.
- 10 Hamilton, C. «Political Violence and Body Language in Life Stories of Women ETA Activists», *Signs*, vol. 32, no. 4 (Summer 2007), p. 914.
- 11 Naaman, D. «Brides of Palestine/Angels of Death: Media, Gender, and Performance in the Case of the Palestinian Female Suicide Bombers», *Signs*, vol. 32, no. 4 (Summer 2007), p. 934.
- 12 *Ibid.*, p. 938.
- 13 См.: <http://www.pmw.org.il>.
- 14 *Ibid.*, p. 951.
- 15 См.: <http://www.pmw.org.il/tv%20part9.html>.